

КОЛЛЕКЦИЯ

КАРТАН

историй

Раиса Рязанова:
«Любовь, которая
перевернула всю
мою жизнь»

**Балерина
Большого театра
Анжелина Воронцова**
об отношениях
с Сергеем Филиным
и подозреваемым
по его делу Павлом
Дмитриченко

Алсу:

«Папа и муж — главные
мужчины в моей жизни,
перечить им не имею права»

**Вдова Михаила
Пуговкина:**
«Чтобы поставить
памятник, пришлось
продать ордена Минички»

ISSN 1818-4383

06

9 771818 438774

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

НА ОБЛОЖКЕ

АЛСУ
ФОТО И КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИЗАЙН
ЕКАТЕРИНЫ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ
БЛАГОДАРИМ РЕСТОРАННЫЙ ДОМ АНДРЕЯ
ДЕЛЛОСА MAISON DELLOS И «КАФЕ МАНОН»
ЗА ПОМОЩЬ В ОРГАНИЗАЦИИ СЪЕМКИ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЗАО «ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕМЬ ДНЕЙ» WWW.7DAYS.RU

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НИНА НЕЧАЕВА

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛАРИСА ВИННИК

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА НАТАЛЬЯ КОРОЛЕВА (ВЕДУЩИЙ РЕДАКТОР НОМЕРА)

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК ТАМАРА ВОЛКОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОЛЕСЯ МАЗУР

КООРДИНАТОР ПРОЕКТОВ ЯНА РОЗЕНЦВЕЙГ

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЕКАТЕРИНА НАУМОВА

**РЕДАКТОРЫ АННА ВАНДЕНКО, МАРИЯ ГРИГОРЯН, ЗАЛИНА ДЗЕРАНОВА,
ВЕРА ЖЕЛТОВА, ЕЛЕНА ЛАНКИНА, ИРИНА МАЙОРОВА, МАРИНА ПОРК, ЮННА ЧУПРИНИНА**

ДИЗАЙНЕР НАДЕЖДА ПОЛИЩУК

БИЛЬД-РЕДАКТОРЫ АНТОН ЖУКОВ (ЗАВ. ФОТОСЛУЖБОЙ), ЕКАТЕРИНА ШУТЫЛЕВА

РЕДАКТОР ПРОВЕРКИ ТАТЬЯНА СМИРЕНСКАЯ

КОРРЕКТОРЫ ГАЛИНА ЛЯШЕНКО, ЛЮБОВЬ ШАХОВСКАЯ

ВОДИТЕЛЬ АЛЕКСАНДР КИСЛОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ 125080, МОСКВА, ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ, Д. 5А

E-MAIL KOLLEKTSIA@7DAYS.RU ТЕЛ./ФАКС (495) 753-41-39, 753-41-25

РЕДАКЦИЯ В ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ НЕ ВСТУПАЕТ.

РУКОПИСИ, НЕ ПРИНЯТЫЕ К ПУБЛИКАЦИИ, НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.
ПЕРЕПЕЧАТКА МАТЕРИАЛОВ (ФОТО И ТЕКСТОВ) БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ РЕДАКЦИИ ЗАПРЕЩЕНА.
ЗА СОДЕРЖАНИЕ РЕКЛАМЫ РЕДАКЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕТ.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ИГОРЬ СВИРИН ТЕЛ. (495) 753-41-43

**ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ НАНА ЦОБЕХИЯ (ДИРЕКТОР), ИРИНА МЕНАБДЕ (ЗАМ. ДИРЕКТОРА),
ИРИНА ЛЮТИКОВА (СТ. МЕНЕДЖЕР), ОЛЬГА ВАСИЛЕВСКАЯ, СВЕТЛАНА ДОЛГИХ, НАТАЛЬЯ ИВАНОВА, ЮЛИЯ МОКРЕЦОВА,
НАДЕЖДА НОВИКОВА, ИРИНА ПАНФИЛОВА, ВИКТОРИЯ СОКОЛОВА, ЕКАТЕРИНА ДЕВЯТОВА (КООРДИНАТОР)**

ТЕЛ. (495) 753-41-45, 753-41-46, 753-11-11, 753-11-12, ФАКС 753-41-48

ДИРЕКЦИЯ ПО МАРКЕТИНГУ МАРИНА ЦХОВРЕБОВА (ДИРЕКТОР) ТЕЛ. (499) 195-92-36,

**ДИРЕКЦИЯ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЕЛЕНА КАЯКИНА (ДИРЕКТОР) ТЕЛ./ФАКС (495) 753-41-04, ДИРЕКЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ
ПРОИЗВОДСТВА ТЕЛ. (495) 753-41-43, ДИРЕКЦИЯ ПО ЭЛЕКТРОННЫМ МЕДИА ТЕЛ. (495) 984-82-01, ДИРЕКЦИЯ ПО
ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ ЛЕВ ГАЛУСТОВ (ДИРЕКТОР), ДИРЕКЦИЯ ПО ПРЕ-ПРЕСС ТЕХНОЛОГИЯМ
АНДРЕЙ ФЕДЫНА (ДИРЕКТОР), ИГОРЬ ЗАХАРОВ (ЗАМ. ДИРЕКТОРА), АНДРЕЙ АМУРСКИЙ, МИХАИЛ АРТОХИН,
РОМАН БАЛАШОВ, ОЛЕГ БОБРОВ, АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ, СЕРГЕЙ ГОЛЬЦЕВ, СЕРГЕЙ КОРОСТЕЛЕВ, МАКСИМ СЕМЕНОВ,
АНТОН СОКОЛОВ, МАРГАРИТА СТАРЦЕВА, ВАЛЕРИЙ ЧИЖ**

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ № ФС77-28325 от 11 июня 2007 года

№ 06 (60) ИЮНЬ 2013

ПОДПИСАН В ПЕЧАТЬ 15.05.2013 г.

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ MOHN MEDIA MOHNDRUCK (ГЕРМАНИЯ)

ТИРАЖ 824 000 экз.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

СОГЛАСНО ФЗ ОТ 29.12.2010 №436-ФЗ ЖУРНАЛ «КОЛЛЕКЦИЯ КАРАВАН ИСТОРИЙ» ОТНОСИТСЯ К КАТЕГОРИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ, ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ.

коллекция **КАРАВАН**
историй

стр. 148

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА ЗВЕЗД

36

Анжелина Воронцова
«Из СИЗО Паша написал:
«Ничему не верьте»»

82

Кира Прошутинская
Татьяна

148

Раиса Рязанова
Между строк

стр. 82

стр. 36

стр. 180

10
Алсу
Моменты счастья

ИМЕНА

120
Анна Архипова –
фон Калманович
Хозяйка своей жизни

180
Ирина Пуговкина
Поздняя любовь

ФАНТАЗИИ

Проекты
Екатерины
Рождественской

110
Праздники

174
Частная коллекция

стр. 120

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

Кира позвала меня в свой любимый ресторанчик рядом с ее квартирой, в районе Покровки.

— До чего же я устала, — сказала она, выбрав самый укромный столик и садясь спиной к залу.

Я знала, что у Прошутинской неприятности, но чувствовалось, что обсуждать это она не готова. С того момента, как жизнь ее изменилась, в прекрасных глазах застыли смятение и известный цветастевский вопрос. Выглядела Кира измученной, и поэтому меня так удивило, когда она вдруг предложила:

— Хочу написать тебе про Таню Устинову.

— А может, лучше съездишь проветриться? В Европу например?

— Ты не понимаешь! Мне необходимо работать, иначе я только об одном думаю, думаю, думаю...

Конечно, я согласилась. И через несколько дней получила чудесный и неожиданный текст. Внимательный читатель много интересно узнает из него не только о писательнице Татьяне Устиновой, но и о телеведущей Кире Прошутинской. Мое главное открытие состояло в том, что обе эти зрелые женщины, сумевшие пробиться и сделать серьезную карьеру в нашем не самом добром мире, в душе остались девочками — романтичными, искренними, добросердечными и немного наивными.

На этой волне я перечитала другие материалы и пришла к выводу, что июньский номер получился тематическим: все его героини, несмотря на испытания, выпавшие на долю почти каждой из них, сохранили чистоту и силу чувств, обычно свойственную детям. Именно поэтому мне этот номер так нравится!

Главный редактор
Нина Нечаева

АЛСУ

МОМЕНТЫ СЧАСТЬЯ

Мы ехали в машине, и я вдруг поймала себя на том, что не отрываясь смотрю на Яна. В голове промелькнуло: «Не могу без него. Хочу прожить с ним всю жизнь...»

Мне двенадцать

Маратом. И вот первая зима на новом месте. Температура на улице — минус сорок пять. Дома — плюс, но, видимо, совсем небольшой, потому что спим в шубах, шапках, шерстяных носках и гамашах. Стена с дверью на балкон покрылась изнутри слоем инея: не помогли ни вата, которой заткнули щели, ни несколько слоев клейкой ленты. Меня и Марата это нисколько не расстраивает, скорее наоборот: можно, не выходя из дома, играть в снежки. И все-таки когда родители решают

Цвет у жвачки исчезал через час. Мы откусывали грифель у зеленого или красного карандаша и жевали вместе с поблекшей резинкой

Сочувствую людям, чья память хранит лишь обиды, неудачи и потери. Всякий раз, оглядываясь назад, они видят мрачные картины, ранящие сердце. Мне с памятью повезло — с особой тщательностью, до самых мелких деталей, она бережет именно счастливые и теплые моменты.

Самое раннее воспоминание: мне года полтора, может, два, вряд ли больше, потому что действие происходит в нашей первой крошечной квартире в Когалыме Тюменской области. Мама просит: «Алсу, принеси из кухни газету. Она на столе». Я шлепаю на кухню и возвращаюсь с газетой.

У мамы и старшего брата это вызывает бурю эмоций. Оба хлопают в ладоши. Марат твердит: «Представляешь, она поняла! Поняла, что ты сказала!» Своей реакции на их восторги не помню, но почему-то кажется, что я собой гордилась...

Следующая картинка относится ко времени, когда семья уже перебралась в трехкомнатные хоромы. Последнее слово пишу без кавычек, потому что по сравнению с предыдущей новая квартира была настоящим дворцом. Самую большую комнату в ней отдали под зал, две поменьше — под родительскую спальню и детскую, где поселили нас с

переселить нас в гостиную, где нет балкона, скачем от радости. Эта комната больше детской метров на восемь, но нам кажется огромной-преогромной! До позднего вечера носимся туда-сюда, перетаскивая книжки, игрушки, альбомы, краски с карандашами.

В спектакле по сказке «Двенадцать месяцев», который наша группа готовит к новому году, мне достается главная роль — падчерицы. Почему — непонятно: я очень стеснительная, даже замкнутая и никаких актерских задатков не проявляю. Чего во мне с избытком, так это ответственности. Раз поручили, оказали

доверие — надо выполнить наилучшим образом. С утра до ночи повторяю текст и все равно боюсь, что, выйдя к зрителям, забуду слова. Этот кошмар мне даже снится. Еще очень переживаю, что мама не успеет сделать сценический наряд. Вот уже целую неделю она ночами мастерит костюм для Марата, который на школьной елке будет мушкетером: шьет плащ, клеит из картона шляпу с широкими

полями, красит ее в несколько слоев черной гуашью. Волнения по поводу костюма оказываются напрасными: в финале спектакля я вышла к зрителям в роскошной розовой накидке, обшитой по краю «елочным снегом».

Сейчас, вспоминая детство, не устаю поражаться: как мама все успевала? Отработав день в проектно бюро, она и домой приносила какие-то чертежи, таблицы, над кото-

рыми сидела до полуночи. А ведь нужно было еще проверить у нас уроки, приготовить, постирать, погладить, сделать уборку. Каждую субботу на плиту ставили огромный бак, грели воду, со стены снимали корыто и стиральную доску, над которыми, согнувшись в три погибели, мама проводила по несколько часов. Настоящим праздником стал день, когда в доме появилась стиральная маши-

С мамой Разией Исхаковной и папой Ралифом Рафиловичем

нешнего города Когалым — с хантыйского языка название переводится как «Гиблое место» — был крошечный поселок. Недавно открытое месторождение осваивали в основном молодые специалисты. Они же впоследствии и составили костяк ОАО НК «ЛУКОЙЛ».

Сшитая мамой розовая накидка придала мне уверенности, и роль падчерицы была сыграна без заминки. За что я одной из первых получила от Деда Мороза бумажный пакет. Как же мы, дети, ждали этих новогодних подарков! В когалымских магазинах из фруктов были только безвкусные, залитые парафином яблоки, а из сладостей — карамельки «Дунькина радость». В кулке же от Деда Мороза лежали и мандарины, и «Мишка на Севере», и «Красная Шапочка», и

Я хотела быть мамой так давно, сколько себя помню. К двадцати одному году желание обзавестись семьей, родить детей стало главным

на. Огромный агрегат, когда его включали в сеть, подпрыгивал и грохотал так, что мы не слышали голосов друг друга, но мама смотрела на чудо техники с бесконечным умилением и благодарностью. Я вообще не помню, чтобы она на что-то жаловалась: на усталость, суровый климат, отсутствие продуктов в магазинах. Даже о первых месяцах в Когалыме, когда молодые специалисты Ралиф и Разия

Сафины с маленьким сыном ютились в строительном вагончике, рассказывала с юмором: «Бывало, отключат свет, а мне Маратика купать. Что делать? Разведу костер, повешу над огнем большой чайник — и бегаю между ним и ребенком. Слежу, чтобы первый не выкипел, а второй — не проснулся и не заплакал».

Когда родители вместе с Маратом приехали на нефтеразработки, на месте ны-

ирис «Кис-кис»! Я растягивала удовольствие на месяцы. Сначала — по половинке в день — съедала мандарины, потом грызла подсохшие корочки, а когда очередь доходила до конфет, позволяла себе одну за раз, не больше.

На лето нас с Маратом отправляли к бабушкам-дедушкам. Два месяца жили у родителей мамы в Бугульме и месяц — в башкирской деревушке у родителей папы.

У первых нам было веселее, потому что туда съезжались дети маминых сестер — наши сверстники. Мы вместе работали на огороде: мотыжили картошку, пололи грядки, собирали в баночки с керосином колорадских жуков. А по вечерам играли с местными мальчишками и девочками в вышибалы, прятки, классики, «резиночку».

куриного супа с домашней лапшой мог справиться разве что вернувшийся с делянки лесоруб, но бабуля разрешала встать из-за стола только после того, как будет съедено все до последней капли. Мы с двоюродной сестрой Катей укладывались минут в сорок, а наш двоюродный братишка Шурик, самый маленький и худенький из армии внуков,

ка умерла прошлым летом. Последние несколько лет тяжело болела, но пока была в сознании, постоянно вспоминала свое детство: нанесенные мачехой обиды и то, что отец редко за нее заступался. Эта боль ее так и не отпустила.

Держа в ладонях старенькую руку большой труженицы и слушая горькие рассказы, я кроме огромной любви и жа-

Ян галантно поцеловал мою руку, вручил букет и сказал: «Очень рад с вами познакомиться». Помню, подумала тогда: «Как в кино...»

После девяти месяцев в Когалыме, проведенных без витаминов и солнца, на нас было больно смотреть: худые, бледные до прозрачности. Встречая внуков, бабушка всплескивала руками: «Селедки, а не дети! Как есть селедки! Разве что у рыбин таких огромных синяков под глазами не бывает! Немедленно садитесь есть».

Вернуть нас родителям упитанными и розовощеками было ее главной целью. Утром перед каждым клали увесистый пирожок с мясом и картошкой и ставили большую чашку сладкого чая с молоком, в полдень — снова пирожок и огромная тарелка супа. С завтраком мы справлялись довольно быстро, а вот с обедом... Бабушка нас очень любила, не ругала за проделки, часто вместе с нами хохотала, но когда дело касалось еды, становилась строгой до непримиримости. С порцией

сидел над тарелкой и по два, и по три часа. Косился в окно, где играли ребята, ронял слезы на затянувшийся жирной пленкой суп, но послушаться бабулю не смел.

У бабушки была трудная жизнь. Она рано осталась без мамы, а мачеха, которую отец вскоре привел в дом, неродных детей люто ненавидела: давала самую тяжелую работу, постоянно попрекала куском хлеба, наказывала. Ее с отцом общие дети спали в доме, а пасынки и падчерицы — в сене на чердаке.

К счастью, в мужья бабуле достался хороший человек, добрый, ласковый. Дедушка воевал на фронте в танковой бригаде, четырежды был тяжело ранен. Он пришел домой героем — вся грудь в орденах. Несмотря на ранения, прожил почти девяносто лет, захватив и нынешнее тысячелетие. С бабушкой они познакомились уже после войны. Бабуш-

лости к бабуле испытывала что-то вроде вины — ведь мое детство было безоблачным и осталось в памяти только яркими красками. Вот бабушка идет с базара, неся в одной руке пеструю полотняную сумку, а другой прижимает к груди горячий хлеб. Корочка у каравая, который выпечен в крошечной булочной напротив дома, такая глянцево-золотистая, что, глядя на нее, хочется зажмуриться, как от солнца. Положив хлеб на деревянный кружок, бабуля отрезает каждому из внуков по толстому ломтю. Мы макаем их в тарелку с густой желтой домашней сметаной и посыпаем сверху сахарным песком. До сих пор кажется, что ничего вкуснее я в своей жизни не ела.

Главным подарком на мой день рождения, двадцать седьмого июня, была большая миска садовой клубники, крупной, сочной, ярко-бордовой.

В доме моих родителей

Фото сделано в Крыму в день рождения мамы прошлым летом. Папа, мой старший брат Марат, мама, младший брат Ренард и я

В нашей семье бурное проявление чувств было не принято. Меня и братьев нечасто хвалили, никогда не сюсюкали с нами, не тискали

В другие дни наесться ягод досыта не получалось — из собранного нами урожая бабушка варила варенье. Не для себя, конечно, — опять же для нас. Закручивая банки, приговаривала: «Возьмете с собой в Сибирь, откроете посреди зимы. За окном — лютый мороз, а у вас летом пахнет».

Одно из моих самых ярких когалымских воспоминаний — вечер, когда в дом привезли пианино. В пять лет

подружка научила меня «Собачьему вальсу» и я загорелась желанием освоить фортепиано. Услышав об этом, папа сказал: «Если тебя примут в музыкальную школу и будешь прилежно учиться, купим инструмент».

Меня приняли. Школа находилась на краю поселка, почти в лесу, идти минут двадцать, а зимой, когда выюга сбивает с ног, и все сорок. Первый год на занятия меня

проводжали мама или Марат, а потом я уже ходила одна. Если столбик термометра опускался до отметки минус сорок пять, меня одевали как матрешку: два свитера, гамаша и стеганные штаны, шуба, под шапку — платок, закрывавший лоб по самые брови, вокруг шеи — толстый широкий шарф, который натягивали на рот и нос. Довершала «туалет» повязанная крест-накрест пуховая шаль. И во всем этом

я умудрялась бежать, боясь опоздать на урок!

Убедившись, что желание дочери учиться музыке — не минутная блажь, родители написали с Большой земли хорошее чешское пианино Petrof. День, когда его должны были доставить, показался мне вечностью. Давным-давно стемнело, нас с Маратом отправляют спать, а грузовика с

всегда знали... Зато сейчас вся их нерастроченная ласка с лихвой передается внукам и внучкам.

Еще одна картинка из когальмской жизни. Папа вернулся из первой зарубежной командировки — кажется, из Америки. Открывает чемодан и достает оттуда куклу Барби с длинными белыми волосами, в шелковом платье и розовых

вался через пять минут, цвет исчезал через час. Но с последним обстоятельством мы научились бороться. Откусывали грифель у зеленого или красного карандаша и жевали вместе с поблекшей резинкой. Очень даже насыщенный цвет получался!

Друзья хохотали до слез.

Семья уже жила в Англии, когда на свет появился Ре-

Накануне свадьбы Ян пообещал охране премию за каждого выдворенного папарацци. Но снимки в одной из «желтых» газет все-таки появились

инструментом все нет. Наконец густую черноту за окнами прорезает свет фар, через минуту — звонок в дверь.

Когда пианино заняло отведенное место, готова была броситься папе на шею, расцеловать... Но не осмелилась. В нашей семье бурное проявление чувств было не принято. Меня и братьев не так часто хвалили, никогда не сюсюкали с нами, не тискали. Мама объясняет свою сдержанность тем, что сама не видела от бабушки особой нежности и ласки, в семье папы это, вероятно, тоже считалось излишеством. Глядя, как подружка, забравшись к своему отцу на колени, треплет его за щеки, целует, повторяя: «Как же я тебя люблю!», я отчаянно ей завидовала, но проделать такое с собственным папой не могла. Была ли тогда в моей душе обида на родителей? Нет. Меня и братьев они любили больше жизни, и мы об этом

туфельках. От восторга у меня перехватывает дыхание, выступают слезы. Об этой красавице я даже мечтать не смела. Следом за Барби извлекается блок жевательной резинки «Джуси фрут», и я уже не знаю, чему рада больше. Жвачка — это так модно, так круто! В режиме жесткой экономии одну резинку жую целую неделю. Перед сном заворачиваю ее в кусочек фольги, чтобы утром снова отправить в рот. А из подружек за «бэушной» жвачкой уже выстроилась очередь: кто жует ее первой после меня, кто второй, кто третьей. Кстати, я тоже — и раньше и потом — в подобной «эстафете» не раз участвовала.

Как-то рассказала про «жвачную» очередь своим зарубежным друзьям. Они не поверили:

— Ты нас разыгрываешь! Это же дикость!

— Но такое на самом деле было. Вкус у резинки заканчи-

нард. Мой младший братишка. Папа сутками был занят на работе, Марат, окончивший школу при Оксфорде и поступивший в Лондонскую школу экономики и политологии, учился с утра до поздней ночи. Я тоже не бездельничала, параллельно с общим образованием получая еще и художественное, и все-таки находила время помогать маме. Бегала в магазин, готовила еду, нянчилась с малышом. К домашней работе нас с Маратом приучали с раннего детства. В младших классах школы я, вернувшись после уроков домой, должна была перемыть всю оставшуюся после завтрака посуду, почистить и порезать картошку, морковь, нашинковать капусту, а к приходу мамы на обед поставить на плиту кастрюлю с водой — чтобы она успела сварить суп на завтра.

Ренарда мама оставляла на меня с легким сердцем — зна-

Ян прекрасно разбирается в музыке, замечательно играет на рояле

жебных перспективах, хорошей зарплате и возможности вдоволь попутешествовать. А я уже шесть лет была на эстраде, выпустила несколько альбомов, снялась в десятке клипов, получила второе место на «Евровидении», объездила с сольными концертами полмира. Чего мне было еще желать? Только женского счастья.

Телефонный звонок от давней подруги певицы Арианы раздался в один из осенних дней 2005 года:

— Алсу, привет! У меня есть друг, его зовут Ян. Такой замечательный парень, просто мировой! Очень хочет с тобой познакомиться. Ты не против?

— Не против.

— Тогда говори, в какой из вечеров свободна, — я закажу столик в ресторане.

Как-то муж сказал: «Если бы я мог зарабатывать музыкой такие же деньги, что приносит бизнес, честное слово — посвятил бы ей жизнь»

ла, что и перепеленаю по всем правилам, и накормлю вовремя, и убаюкаю. А я до сих пор помню его первую улыбку, его первые слова, первые шаги. Между мной и младшим братом существует особенная связь: всегда знаю, когда он заболел или у него что-то не ладится. Наверное, это от того, что помимо сест-

ринской любви испытываю к нему чувство сродни материнскому.

Я хотела быть мамой так давно, сколько себя помню. К двадцати одному году желание обзавестись семьей, родить детей стало главным. Большинство девчонок в этом возрасте только начинают свою карьеру, грезят о слу-

Кто ж знал, что выбор Арианы падет на одно из самых пафосных заведений столицы! Я пришла на встречу в джинсах с прорезами, в футболке, кепке — так, как привыкла одеваться в Лондоне. И в роскошных интерьерах чувствовала себя страшно неловко. Однако главное испытание было впереди. Минут

через пять после того как мы с Арианой расположились за столиком, появился Ян. В шикарном костюме, белоснежной рубашке и галстуке, с идеальной, уложенной гелем волосок к волоску прической. Я готова была залезть под стол. А Ян, даже полувзглядом не дав понять, что обескуражен моим видом, галантно поцеловал руку, вручил большой

шпиль, состоявшийся мужчина. Так разве это плохо?»

Через пару дней мы встретились снова. Уже вдвоем. Сидели в ресторане, разговаривали. Вдруг Ян поднялся и со словами «У меня для тебя сюрприз» пошел к стоявшему неподалеку роялю. Сел за инструмент и сыграл попурри из двадцати или тридцати моих песен. Причем среди них бы-

ся за рояль и начинает играть. Наблюдая за ним, я вижу, как с каждой минутой светлеет его лицо, загораются глаза. Иногда приходится слышать: «Алсу редко выступает, потому что муж запрещает ей петь!» Вот уж глупость так глупость! В прошлом году был мой сольный концерт в «Крокус Сити». Ян не только отобрал для него репертуар, пригласил зару-

Ян принимался перечислять древнееврейские имена: Хильбо, Зоволу, чуть ли не Дадайхуна. Я злилась: «Ты издеваешься надо мной?»

букет и сказал: «Очень рад с вами познакомиться». Помню, подумала тогда: «Как в кино...»

Уже через пять минут от моей неловкости и скованности не осталось и следа. Новый знакомый оказался замечательным собеседником: эрудированным, самоироничным, с удивительным чувством юмора. Мы просидели в ресторане пять часов — и сами того не заметили. Помню, как оглянувшись на звук передвигаемых стульев, увидела, что зал пуст и официанты приводят его в порядок к следующему дню.

Вернувшись домой, долго не могла уснуть. Ян определенно меня зацепил, но в свои двадцать семь казался очень уж взрослым. Просто дядя какой-то... Рассуждала сама с собой: «Среди твоих знакомых есть парни его возраста, но по сравнению с Яном они мальчишки. А Абрамов — уверенный в себе, многого добив-

ли и такие, которые знали только самые преданные мои поклонники, — практически не звучавшие по радио и телевидению. Я была потрясена и растрогана. Понимала: для того, чтобы их прослушать и выучить, Яну при его суперплотном рабочем графике пришлось урывать время у сна. И уж совсем лишилась дара речи, когда узнала, что он никогда не учился музыке...

У Яна действительно совершенно уникальный природный дар. Запомнив мелодию, в том числе и классическую, с первого раза, он может тут же воспроизвести ее на рояле. Я отдала бы все годы обучения в музыкальной школе в обмен на то, чтобы играть как он. Как-то муж сказал: «Если бы я мог зарабатывать музыкой такие же деньги, что приносит бизнес, честное слово — посвятил бы ей жизнь». Возвращаясь домой уставшим или расстроеным, он садит-

ся за рояль и начинает играть. Наблюдая за ним, я вижу, как с каждой минутой светлеет его лицо, загораются глаза. Иногда приходится слышать: «Алсу редко выступает, потому что муж запрещает ей петь!» Вот уж глупость так глупость! В прошлом году был мой сольный концерт в «Крокус Сити». Ян не только отобрал для него репертуар, пригласил зару-

бежных музыкантов, но и, на целый месяц выключившись из своего бизнеса, по десять-двенадцать часов в день проводил с нами на репетициях.

Кажется, я здорово забежала вперед, пропустив в своем рассказе и большой отрезок конфетно-букетного периода, и свадьбу, и рождение дочерей. Сейчас этот пробел восполню.

Сказать, что Ян красиво ухаживал, — ничего не сказать. Возможно, он считал, что меня сложно удивить, и поэтому всякий раз исхитрялся придумать нечто из ряда вон выходящее. Возвращаясь однажды со своим коллективом в Москву с гастролей и через иллюминатор самолета вижу: к лайнеру катится трап, а на верхней ступеньке стоит Ян с букетом цветов. Взял и воспроизвел сцену из своего любимого фильма «Невероятные приключения итальянцев в России!» Весь салон принялся

аплодировать, кричать «Браво!» — а я сидела, закрыв лицо руками. Была страшно смущена, чувствовала себя неловко, зато сейчас знаю, что не забуду этот момент до конца жизни.

Ян мог неожиданно появиться в городе, где я давала гастрольный концерт, или, узнав, в какой гостинице остановлюсь во время загранич-

не, и я вдруг поймала себя на том, что не отрываясь смотрю на Яна. Пялюсь самым неприкрытым образом. И тут же в голове промелькнуло: «Не могу без него. Хочу прожить с ним всю жизнь». Ян очень тонко чувствует людей, особенно тех, кого любит. Видимо, и моя внутренняя готовность принять предложение руки и сердца от него не укрылась...

шивает, согласна ли я стать его женой?

Расплакавшись, долго не могу произнести заветное слово, но когда мое «Да!» все-таки прозвучало, небо озарил фейерверк из сердечек и цветов. Как и кому Ян подал знак к началу салюта, осталось для меня тайной.

Начались приготовления к свадьбе. Выбирая фасон пла-

Когда Ян позвонил тестю и сказал: «У Алсу и дочки все хорошо. Девочку назвали Сафина!» — мой папа-кремень расплакался в трубку

ного путешествия, заказать в номер море цветов. Как-то мы с женой Марата Юлей прилетели в Милан. Открываем дверь своих апартаментов в отеле и застываем на пороге. Вся комната буквально утопает в цветах. Они стоят в вазах на столах, подоконниках и на полу, ими устлан даже ковер. Юля восторженно выдыхает: «Вот это да!» Я молча киваю, потому что в горле стоит ком...

Когда я приезжала в Лондон и рассказывала о «методах ухаживания» Яна подружкам, они в очередной раз мне не верили:

— Такого в жизни быть не может — только в кино!

Я улыбалась:

— Выходит, может...

Меня тянуло к Яну с первого нашего знакомства. Хотелось видеть его каждый день, разговаривать, однако это была еще не любовь. Она пришла чуть позже. Мы ехали в маши-

В день, когда нашему знакомству «стукнуло» два месяца, Ян пригласил на ужин в ресторане Марата с Юлей и нескольких близких друзей. Я догадывалась, что будет нечто особенное: как ни крути, а все-таки «юбилей». Ян сутился, постоянно звонил по телефону, а потом и вовсе куда-то убежал. Минут через десять после его исчезновения ко мне подходит официантка: «Вас просят подняться на веранду. Она на крыше, я провожу». Поднимаюсь и вижу: Ян стоит один, весь какой-то жутко напряженный, на лице — смущенная улыбка. Чувствую, как его нервное состояние передается мне. С минуту оба молчим, потом он встает на колени, протягивает кольцо и начинает говорить о том, как сильно меня любит и что прежде ни одна девушка от него таких слов не слышала... В завершение страстного сбивчивого монолога спра-

тня, я просмотрела десятки модных журналов. Покупать наряд невесты в магазине не хотела категорически. Мое платье должно было быть классическим: расшитый корсет, пышная юбка — и в то же время особенным. Таким, какого ни у одной невесты не было и не будет.

Знаете, как случается? Смотрит женщина свои свадебные фотографии и думает: «Боже мой, как я это надела?! Сейчас бы мое платье было совсем другим!» Так вот — это не про меня. Сколько свадебных нарядов видела за последние годы, но всякий раз неизменно думаю: «Мое мне все равно нравится больше».

На другой день после того как мы с Яном подали заявление, на все телефоны: его, мой, наших друзей, коллег — начались звонки журналистов с вопросами: где и когда состоится свадьба, как туда попасть, чтобы сделать репор-

таж? Ответ: «Торжество будет закрытым, без прессы» — звонивших явно не устраивал. Я нервничала:

— Ян, ну почему они не уважают наше решение?

— Не переживай. Я позабочусь о такой охране, что дажемышь не проскочит.

Перед началом праздника он поговорил со всеми секьюрити лично, пообещав премию за каждого вычисленного и выдворенного папарацци. Но фотографии в одной из «желтых» газет все-таки появились — как выяснилось позже, сотрудники этого издания еще за неделю до торжества развесили по всему залу дистанционно управляемые камеры.

А какой ажиотаж случился, когда во время первой бе-

Месяца за два до родов начала приставать к мужу с вопросом:

— А как мы назовем дочку?

Ян принимался перечислять самые немыслимые, самые экзотические древнееврейские имена: Хильбо, Зоволу, чуть ли не Дадайхуна.

Я начинала злиться:

— Ты издеваешься надо мной?

— Почему? — состроив невинную физиономию, изображал удивление муж. — Мне, например, очень нравится.

Потом оказалось: он давным-давно определился с именем, но хранил решение в секрете...

Ян присутствовал при родах и выдержал все до конца. Не сбегал. Держал меня за руку, гладил по голове, говорил лас-

Не могу представить, чтобы мне пришлось встать на сторону папы или Яна. Они главные мужчины в моей жизни, и перечить им я не имею права

ременности меня на пару дней положили в больницу! Папарацци пытались делать снимки через окно палаты, приходили в клинику с пирожками-фруктами, представлялись родственниками Алсу... Благодаря бдительности охраны и медперсонала никто из них в отделение не проник, тем не менее именно после этих визитов мы с Яном решили: рожать я буду за границей.

И вот акушерка протягивает ему крошечный сопящий комочек. Новоиспеченный папа выставляет вперед ладони с растопыренными пальцами, и я вижу, как они дрожат. Он так и держит дочку — на вытянутых руках, боясь прижать к себе. Я улыбаюсь:

— Ян, ну как ты ее держишь? Возьми удобнее.

Он переводит испуганно-счастливым взгляд с дочки на меня и хрипло шепчет:

В родительском доме

ФОТО: МАРИЯ ПЕКОРЕЛЛИ

— А если я ей сделаю больно?

Когда нас с дочкой переведят в палату, первым делом спрашиваю у мужа:

— Ну как мы ее все-таки назовем?

— Сафина.

Ян решил сделать приятное и мне, и моему папе. Выйдя замуж, я поменяла родительскую фамилию Сафина на фамилию мужа, стала Абрамовой — и вот Ян нашел